

Спасибо всем за вашу любовь и поддержку. Я хотел сделать перерыв на несколько дней, но без обновлений я становлюсь ленивым и не пишу, поэтому лучше продолжать ежедневно. Хвалите же меня за усердие!

Поверхность мелованной бумаги была гладкой и переливалась мягким, дугообразным блеском при перелистывании. Отблеск скользил по портрету. Чу Юй не мог вспомнить, была ли пуговица на рубашке мужчины расстегнута или застёгнута, носил ли он очки, был ли его взгляд строгим или, как сейчас, с поджатыми губами и мелкими смеющимися морщинками у глаз.

— Это снимок первой половины года, — Сун Цзиньчэнь разгладил складки на странице, проводя пальцем по двум кругам, нарисованным чёрной ручкой на портрете. — Тебе нравятся мужчины в очках?

Днём Чу Юй его ненавидел и, случайно наткнувшись на эту страницу, нарисовал на фото очки, усы, большой крест на брюках и цепь на шее. В тот момент это приносило удовлетворение, но сейчас выглядело невероятно по-детски. Чу Юй всегда считал себя взрослым, но Сун Цзиньчэнь постоянно заставлял его в моменты глупости и ребячества.

Он замотал головой, как маятник, закрыл глаза, притворяясь мёртвым, даже веки его горели, и тихо застонал, давая понять, что он не в себе и не может ответить. Сун Цзиньчэнь отбросил журнал в сторону и начал вращать ручку вибратора. Частая вибрация, подобная набегавшим волнам, накатывала на Чу Юя, вызывая приятное онемение внизу живота. Это было терпимо, но чем дольше продолжалось, тем больше ему хотелось, чтобы внутрь вошло что-то живое и агрессивное.

Вибратор вынули и бросили на ковёр. Он продолжал вибрировать, издавая гудение. Ничего больше не последовало.

— Выключи... выключи это! — Чу Юй открыл глаза и крикнул от стыда и ярости.

Его не трахали и не позволяли это делать ничему другому. Что же это было?

Сун Цзиньчэнь покачал головой, чувствуя, что температура снова поднимается. Когда этот малыш начинал буянить, изображая из себя неукротимого зверя, это вызывало особый интерес. Он знал, что должен следовать указаниям врача, принять таблетки и лечь спать, но Чу Юй внезапно вернулся и вёл себя спокойно, не убегая. Такие моменты были редки, и он хотел посмотреть, как долго тот продержится, прежде чем сдастся.

— И ещё пытаешься мной командовать, — Сун Цзиньчэнь перевернул его, оставив лишь голую задницу на своих коленях. — Ты забыл, что тебя нужно наказать? Ну, говори, сколько ударов заслуживаешь?

— Откуда мне знать! — возразил Чу Юй, кровь прилила к голове. Он попытался приподняться.

— Разве ты считаешь, сколько раз трахаешь?

— Хлоп! — Ладонь опустилась на его ягодицу. Чу Юй вскрикнул и заругался:

— Ты посмел ударить меня! Ты...

Рука, нанёсшая удар, проникла в промежность между ног, ладонь обхватила всю лобковую область и резко дёрнула вверх. Задница Чу Юя поднялась ещё выше, а ругань оборвалась.

Сун Цзиньчэнь погладил ягодицу, на которой отпечаталась ладонь, и сказал:

— Тридцать два раза. Тридцать два удара. Сегодня ты вёл себя хорошо, вычту пять. Остаётся двадцать семь. Лежи смирно. Шевельнёшься — добавлю пять.

— Почему... м-м... ах... — Чу Юй хотел ругаться, но ему было слишком приятно от прикосновений.

Его промежность уже была ярко-красной, половые губы распухли, как толстые раковины, и пальцы мужчины раздвигали их, словно цветок, не успевший сомкнуться перед бурей.

— Хлоп! — Ещё один удар, от боли всё внутри сжалось. Из распухшего отверстия выжались белесые соки. Пальцы собрали их и размазали по складкам вокруг клитора.

После череды ударов и ласк Чу Юй уже не мог ругаться, слёзы смешались с потом. Он стонал, как кошка во время течки, словно его любили через боль.

Сун Цзиньчэнь провёл рукой по горячим красным пятнам на коленях — симметричным распухшим следам, соблазнительным и благоухающим.

Он похлопал по набухшим, пышным половым губам, заставляя плоть колыхаться, а соки брызгать. Пальцы вошли в такое же горячее влагище, внутри которого слизистая была мягкой, как рыба пасть, а распухшие губы раскрывались и смыкались, подобно рыбе. Он играл с дырочкой Чу Юя средним и безымянным пальцами, ладонью шлёпая по ягодицам, доводя их до красноты. Этот красный кончик делал две округлости похожими на сочные персики.

Чу Юй извергал прозрачную любовную жидкость, как при оргазме, с лёгким рыбным запахом. Он обессилел, обмяк, как мёртвый кот, лишь влагище оставалось живым, бесстыдно наслаждаясь, словно живое существо, лижущее пальцы мужчины, испытывая бесконечные оргазмы и бесконечно истекая.

Его дух вознёсся на небеса, а затем погрузился в отчаяние, ибо он жаждал этого удовольствия. Ради этой малости он был готов навсегда остаться на привязи у этого мужчины, поднять голову и прыгнуть в его объятия.

Эта мысль была ужасна, но он был согласен.

Хорошие вещи нужно вкушать медленно, чтобы наслаждаться ими долго. Сун Цзиньчэнь был возбуждён, но ему было некомфортно, затылок ныл, и даже запястье дрожало. Перетерпеть — мелочь, а вот позволить этой малютке не проникнуться уважением — вот что было бы невозможной потерей.

Наигравшись, он отнёс его, чтобы смыть невероятную грязь с тела. Смазанная трубка была вставлена в его задний проход, и тёплая вода медленно наполнила его. Живот Чу Юя раздулся, будто от беременности, и это было неприятно. Чтобы успокоить его, Сун Цзиньчэнь взял его за подбородок и поцеловал: со лба на губы, затем ниже — на грудь, на узкую талию, на чёрные лобковые волосы, на райскую трещину между бёдер.

Юноша, недавно познавший плотские утехи, казалось, был проклят злым духом на вечную связь, и все отверстия его тела можно было использовать для удовольствия. Чу Юй выпустил воду из живота, став чистым, как выпотрошенная серебристая рыба. Металлическую анальную пробку можно было разглядеть, лишь раздвинув две округлости: в ягодичной щели виднелась серебристая точка.

Чу Юй, полностью истощённый, не мог сопротивляться сну и покорно улёгся на грудь Сун Цзиньчэня, бормоча, словно в бреду:

— Скажи, разве я не ужасно плохой?

Сун Цзиньчэнь не понял, что он имел в виду, да и не собирался выяснять. Подобно тому, как его не интересовала трагическая жизнь Чу Юя, переживания мальчика были куда менее достойны изучения, чем его неподобающие дырочки. Сун Цзиньчэнь лениво похлопывал его по спине, вдыхая влажный аромат — запах удовлетворённой страсти. Этого было достаточно.

— Но мне это нравится.

— Что нравится? — Сун Цзиньчэнь погладил его влажные короткие волосы, торчащие колючками, словно на плече лежал мокрый ёжик.

Чу Юй, кажется, усмехнулся и ответил шёпотом:

— Заниматься с тобой сексом.

Сун Цзиньчэнь наклонился. Те чёрные глаза уже сомкнулись, а в уголке поджатых губ застыла маленькая круглая ямочка.

Раньше он не замечал у него ямочек, ибо тот редко улыбался по-настоящему, да и сам он никогда не обращал внимания. В прошлый раз Сун Цзиньчэнь наконец обнаружил существование этой милой детали, но тот больше не улыбался, и он решил, что это была

галлюцинация, плод его воображения. А затем тот и вовсе бесследно исчез, и проверить стало негде.

Оказывается, она действительно существовала, и была всего одна, уникальная.

Сун Цзиньчэнь большим пальцем нежно коснулся этой капризной маленькой ямочки — такая малая деталь, а гонорар за появление запредельный, да и появляется не каждый раз.

Какая обычная редкость. Сун Цзиньчэнь повидал множество людей, это была всего лишь своеобразная впадина в мышце, каких у красавцев можно найти множество, да ещё и парных. Но лишь эта единственная вызывала зуд в сердце, желание видеть её снова и снова, и такое чувство было только с этой малюткой. Странно.

<http://bllate.org/book/15448/1370465>